

в феврале 1920 г. к Кайгородову. Затем в Западной Монголии в эту сотню могли перейти сибирские казаки-повстанцы из отряда подьесаула Д.Я. Шишкина и из «Народной дивизии» подхорунжего С.Г. Токарева. 1-я сотня, насчитывавшая около ста всадников, была наиболее боеспособной частью отряда. Командовал ею подьесаул Шестаков, бывший адъютант командира 2-го Степного корпуса генерала И.С. Ефтина.

25 июня 1921 г. «Сводный русско-инородческий отряд войск Горно-Алтайской области» выступил из Кобдо в поход на Россию, но возле оз. Толбо получил сведения о вторжении красных в Монголию. В течение июля — первой половины сентября он с переменным успехом действовал против Кобдоского экспедиционного отряда РККА под командованием К.К. Байкалова (Некундэ), а 17 сентября окружил Байкалова в хурэ (монастыре) Саруль-гунь у оз. Толбо и в тот же день соединился с отступившим в этот район из Синьцзяна Оренбургским корпусом генерала А.С. Бакича. В ночь на 21 сентября Кайгородов руководил штурмом. Из-за неудачи поссорился с Бакичем, и 22 сентября ушел от хурэ на Алтай, уведя и некоторую часть бакичевцев, добровольно к нему присоединившихся. Он пытался наступать прямо по Чуйскому тракту, но 27 сентября у с. Кош-Агач был разбит и, отойдя в Киргизскую волость, разрешил желающим вернуться в Монголию, чем большинство бойцов и воспользовалось. Эта часть отряда 29 сентября выступила на г. Кобдо, а оттуда во главе с Сокольницким ушла в Северный Китай, где в конце 1921 г. была интернирована.

Сам Кайгородов, приглашенный крестьянами с. Онгудай, со 148 добровольцами, в основном алтайцами, двинулся Курайской тропой в глубь Горного Алтая. На этом закончилось его участие в Белом движении и эксперимент оказачивания, начался новый период: война за «право трудового народа свободно трудиться». Подчинив основные партизанские отряды и поднимая агитацией и мобилизациями русское и инородческое крестьянство, «атаман Алтайской сечи» скоро превратился в вождя Горно-Алтайского восстания 1921 — 1922 гг. Тяжелая с переменным успехом борьба, когда его «Освободительная армия» то возрастала до 2000 чел., то съеживалась до 160, то организовывала на освобожденной территории гражданскую власть, то скрывалась в самых дебрях, — превратила Кайгородова в человека-легенду. Но эта слава стоила народному герою головы, в буквальном смысле. Когда Кайгородов был, наконец, убит (10.04.1922 г., с. Катанда), ему отрубили голову и отправили в Онгудай и далее в Барнаул, на показ начальству и опознание сидевшей в губернской тюрьме жене.

Сатунин и Кайгородов не были настоящими войсковыми атаманами, да и само Алтайское войско осталось прожектом. Но следует признать, попытка оказачить алтайцев имела место. Не будь такого быстрого краха Белого движения в Сибири, вероятно, они могли добиться более зримых результатов. Их сподвижники и последователи (во всяком случае, некоторые) действительно хотели оказачиться, если и в эмиграции продолжали считать себя казаками Алтайского войска (например, полковник Пастухов). Кроме того, через отряд Кайгородова в 1920 — 1921 гг. прошли сибирские, енисейские и оренбургские казаки. «Природный партизан» Кайгородов боролся против коммунистов, за Россию, Алтай и казачество фанатично, до последнего вздоха. По типу своему он был «настоящим казачьим атаманом времен XVII — XVIII веков».

О РОЛИ ЕРМАКА И КУЧУМА В СМЕНЕ ТЕМПОРИТМА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

А. П. Ярков, Россия, г. Тюмень

Вплоть до недавнего времени (а иногда и сейчас) атаман Ермак (Ермак Тимофеев/ич) и хан Кучум (Кучум бен Муртаза) оценивались учеными, общественными деятелями, обывателями как символы двух противоположных друг другу миров. Сложно разделить

эти личности на прогрессивную или реакционную, но можно их сопоставить по типологии «ролей», которые они сыграли в судьбе Сибири, различающихся: по степени новаторства; по наличию или отсутствию выбора; по характеру совершенных действий — индивидуально или в рамках государственной идеологии и т. д. [1].

Согласно положениям синергетики иные личности при определенных обстоятельствах порождают другую историю, определяя дальнейший ход событий [2], хотя появление личности в истории обязательно связано с предшествующим периодом ее развития в конкретном социуме, спецификой его общественного устройства, обстоятельствами эпохи и, что немаловажно, взаимоотношениями с другими личностями, если они есть на горизонте событий. При этом участие личностей в событиях может быть прямое или опосредованное, а память о них короткой или долгой. В этой связи заметим, что и до Кучума в сибирской истории было мало имен, а из соплеменников и современников Ермака в русской истории остались почти одни цари, патриархи и «лжедмитрии», что делает очевидным вывод — иные личности после смерти превращались в мифы; немногие «переселялись» в летописи и сагара, а от остальной (основной) части населения остался только прах и короткая память потомков.

Судьба свела только раз Ермака (уже мертвого) и оказавшегося победителем (хотя и временным — из-за примененной военной хитрости) Кучума — атаман лежал у ног хана после того, как тело утопшего нашел Яныш — внук Бегиша [3]. Поэтому в летописях и преданиях фигурирует предполагаемое место захоронения (и оттого кажется странным) православного атамана — Бегишевское/Баишевское мусульманское кладбище.

Два героя — Кучум и Ермак — схожи по харизматичности, таинственности происхождения и при ответе на вопрос: почему пришедшие завоевать край, они остаются объединяющим и, одновременно, разделяющим «рубежом» для многих сибиряков и, более того, определенным градиентом? [4]. Конечно, в какой то степени этому есть объяснение: «...когда система оказывается на распутье, когда в ее организованном хаосе начинают проглядывать альтернативные траектории эволюции, тут открывается поприще для исторических деятелей — делателей истории» [5], но остается задача — объяснить логику поступков людей, отделенных от нас не только веками, но и иной системой духовно-нравственных координат. Между тем до сих пор фигурирует точка отсчета «цивилизированной» истории Сибири, чье освоение, якобы, началось с Ермака; тюркоязычное население оперирует понятием «во времена Кучума» [6].

Закрепление основных различий, проистекающие из представлений взрастивших их социумов, конечно, отражены в фольклоре, приближенному к историческому шаблону и повествующему о провиденциалистской идее неизбежности победы над «бусурманами». Так, народный писатель XVIII в. К. Данилов повествовал о том, как Ермак взял в плен Кучума [7]. Напротив, в хантыйской сказке «Ермак» есть сюжет о том, как атаман подружился с местным князем, но настаивал на том, чтобы ханты «приняли веру русскую». Атаман и князь в знак принятия ханты христианства, якобы, поцеловали сабли друг друга, обговорив условия. В том сюжете, очевидно, отражается негативное отношение вассалов к прежнему правителю. Иная оценка атамана фигурирует в тюркском фольклоре [8], хотя не все сюжеты подтверждаются письменными свидетельствами. Традиционный образ в русских источниках — неверные — при оценке противостоявших сибиряков — подразумевал не только мусульман, но и «язычников» — сторонников архаичных верований, которых было существенно больше в Западной Сибири. Таким образом, Ермак и Кучум — это не отражение «войны религий», а образы столкнувшихся на этом пространстве разных миров.

Высказываются различные мнения о происхождении атамана, где наряду с традиционным — из «понизовской вольницы», есть и экзотическое — Л. Р. Кызласова со ссылкой на «Портрет Ермака?» неизвестного художника XVIII в. (!) и на мнение С.У. Ремезова:

«Ермак был знатным уроженцем Сибирского тайбугидского государства и юношей попал на р. Урал или на Волгу» [9]. Да и во «взрослой» биографии много неясности [10].

Противоречиво описывают источники и происхождение Кучума, а определенно говорят лишь о причинах его появления в крае. Дело в том, что присоединение Поволжья в 1552–1556 гг. превратило Сибирское государство в непосредственного соседа владений Москвы [11] и в то же время проявились притязания Шибанидов на сибирский престол, а А.Т. Берс считал, что это государство уже по возникновении вступило в борьбу с русской экспансией [12]. В действительности Едигер (соуправлявший княжеством [13] вместе с братом Бекбулатом), учитывая обстановку, направил к Ивану IV послов Тягрула и Панчады, которые «от всей земли Сибирской» не только поздравили царя с новым обретением — Казанским и Астраханским ханствами, но и просили, чтобы «государь князя их и всю землю Сибирскую взял в свое имя и от всех неприятелей заступил» [14]. Поняв стратегическую ошибку, Едигер попробовал отказаться от уплаты дани, ссылаясь на то, что «царевич шибанский воевал землю Сибирскую, многих людей в плен увел». Царь приказал посадить посла Боянду под стражу и отправил к Едигеру служилых татар Девлет Хосю и Собаню Рязанова с грамотой, чтобы сибиряки «исправились» [15]. В октябре 1557 г. служилые возвратились вместе с Истемиром — новым посланником, который привез дань и, сверх того, шертную грамоту, где значилось, что «ся учинил князь в холопстве, дань ежегод царю давать».

Разгром Казанского ханства предоставил Москве вариант освоения новых земель, куда пошла первая волна переселенцев, а в изобретении русского фронта [16] большую роль сыграли Строгановы, ставшие ходатайствовать о разрешении обосноваться там, где тянулись «леса черные да озера дикие, острова и наволоки пустые» [17]. В Сибири, между тем, после смерти в 1563 г. Едигера и Бекбулата, согласно приводимым Г.-Ф. Миллером преданиям, инициатива приглашения на престол нового правителя исходила от «знатных татар», которые «не хотели ждать, когда княжна [вдова Едигера] разрешится от бремени, так как между ними не было согласия относительно того, кому править в Сибири» [18].

Не уступало Сибирскому ханству в территориальных претензиях и другое государство: концепция «Москва — третий Рим» идеологически поддерживала претензии Ивана IV на гегемонию. Потому в мае 1574 г. он грамотой пожаловал Строгановым в вотчину земли по рр. Лозьве, Тавде и Тоболу (половину территории Сибирского ханства) и предоставил право владеть землями «...на Тахчее [19] и на Тоболе реке, и кои в Тобол реку озера падут, и до вершин, на усторожливом месте ослободити, крепости делати, и сторожей наймовати, и вогняной наряд держати собою, железо делати, и пашни пахати, и угодыя владети.., и в полон сибирцев имати и в дань за нас приводити». Одновременно промышленникам были предоставлены льготы на все подати в царскую казну на 20 лет. Однако Строгановы в то время, хотя и имели и крепости, артиллерию, но не обладали достаточным количеством ратных людей для завоевания жалованной им царем территории, откуда досаждали набегами.

История похода Ермака хорошо освещена. Стремясь выманить противника, Кучум распространил слухи, что задержал торговый караван бухарцев. Узнав, Ермак с отрядом казаков в 150 чел. на стругах спешно направился вверх по Иртышу. В ночь с 5 на 6 августа 1585 г. близ устья р. Вагай отряд подвергся неожиданному нападению, а тяжело раненный Ермак неудачно прыгнул на край струга, который перевернулся. Атаман в панцире утонул [20]. С этой версией не соглашались П.И. Небольсин и Х. Атласи, утверждавшие, что Ермак не утонул, а был убит [21].

Эти различия не столь существенны, если перейти к последующим событиям и их интерпретацией в соответствии с мировоззренческими представлениями конкретного социума в конкретной среде. Так, с традиционным природопользованием тюркоязычного населения таежного Прииртышья связаны «языческие» представления, где животные яв-

лялись персонажами легенд, поэтому интересно предание о том, что хану Кучуму однажды привиделась борьба в устье Тобола двух зверей — белого волка и черной собаки, с победой последней. Кучум потребовал не только от имамов, но и от «шайтанщиков, чтобы те объяснили видение. Ему сказали, что белый волк символизирует Сибирское ханство, а черная собака — Российское государство. Зафиксировано почитание тоболо-иртышскими татарами доспехов Ермака, которые содействовали и успешной охоте [22].

В основе многих размышлений ученых, религиозных деятелей, краеведов и обывателей о смерти атамана — летопись С.У. Ремезова (жившего, заметим, спустя более 100 лет после описываемого), трактовавшего сюжеты как знаки уважения атамана сибирскими тюрками и уграми: «доднесь божатся и кленутся», в рассказах представляясь им «чуден и страшен». Ремезов писал, что тело Ермака, которого после смерти татары «нарекоша... богом», было погребено ими «по своему закону на Байшевском кладбище [23], под кудрявую сосну». А «на поминки», якобы, заколото 30 быков и устроено «жрение по своему извычаю» [24]. В целом, заметим, что в «Истории сибирской» на первый план выступила христианская концепция присоединения края, которую Ремезов оценивал как результат поступательного хода просвещения во все концы Вселенной, оставивший след в истории. Хотя уже Г.Е. Катанаев зафиксировал отличия: «Одни, исходя из части глав Тобольской (Кунгурской) Ремезовской летописи, готовы видеть в нем [Ермаке] чуть не полубога, сопутствуемого сонмом ангелов, блюдущих его во всех путях его и отстраняющих от избранника Божия "тучи" стрел, пускаемых в казаков "нечестивыми агарянами"; даже могила его, по сказанию верующих поклонников героя, долго издавала от себя по ночам чудный свет, а приходящие к ней в спасительном страхе инородцы получали исцеление от многих недугов» [25].

А.П. Окладников считал: «Ермак стал объектом туземного культа как дух самого высокого ранга» [26]. Привлекая иллюстрации, созданные летописцем (и художником, как «фантазии на тему»), Н.А. Миненко со ссылкой на Ремезова (изобразившего атамана с нимбом вокруг головы) также отмечала факты почитания его сибирскими татарами [27]. Л.Р. Кызласов пошел еще дальше: «прирожденный сибирский татарин» из «знатной манихейской среды», «преемник Тайбугидов» атаман — «святой у сибирских татар» [28].

Поскольку все это может быть истолковано как начало диалога религий (в том числе православия и ислама) в регионе, то следует подробнее остановиться на данном сюжете. Для начала проясним, что по православным традициям канонизация Ермака невозможна, пока не будет обнаружено его мощей и не зафиксировано чудес, происходящих около них. У мусульман вообще не может быть никаких богов кроме Аллаха, а из людей можно поклоняться только пророку. В исламе нет и процедуры определения святости человека, а привилегированное положение занимают лишь родственники Мухаммеда. Перечисленные же Ремезовым (и подчеркнутые Кызласовым), якобы замеченные мусульманами православные «чудеса» (источение крови из мертвого тела, «птицы же облеташе, не смеяше же прикоснуться ему», сновидения, погребение под «кудрявою сосною», огненное свечение над могилой, сохранение одеяния, доспехов и оружия атамана в святилище), могут быть поняты в контексте доминировавшей во времена Ремезова православной парадигмы и уровня ксенофобии, как и исходя из особенностей погребального обряда мусульман Прииртышья.

Ремезов возвеличил личность атамана, получившего ореол святости, превратив его в житийного персонажа, сравнивая с библейским Самсоном, действующим в молитвах и постах. Характерно, что, повествуя о последнем походе, Ремезов писал: «в том городке [Ташатканском. — А.Я.] спал камень с небеси, величество как бы воз с санями, видом багров, и от него де временем возходит стужа, дождь и снег; и о сем Ермак с товарищи дивился Божию деянию» [29]. То, как Ремезов рассказал о столь необычном явлении, свидетельствует о христианском провиденциализме, им отраженном. Что же касается сужде-

ния Кызласова, что «местные жители восприняли мертвого атамана как собственного святого и похоронили его по древним местным обрядам, не имевшим ничего общего ни с христианскими, ни с мусульманскими обычаями», а по «манихейскому канону» [30], то оно вообще спорно. Дело в том, что обычай захоронения любого человека, в том числе иноверца или незнакомца, со Средних веков — общепринятая гуманная и санитарная норма почти везде в Евразии. Известно также, что изменения исламских традиций имеют не только модернизационный, но и консервативный характер, связанный например, с локальными особенностями похоронных обрядов [31], что вызывает и ныне споры [32]. Изображенные Ремезовым погребение под насыпью у дерева и оградка (астана), жертвоприношение и тризна (садака и астана-аш) известны в настоящее время у сибирских татар и местных казахов, отражая тот самый элемент народного ислама, что не совпадает с традициями, распространенными на Ближнем Востоке. Поднятые вверх руки — обычная поза при намазе, как и присутствие при погребении только мужчин — мусульманская норма, которую повседневно наблюдал Ремезов в Тобольске на рубеже XVII — XVIII вв.

Напомним, что «святых» в исламе вообще нет, как и служители исламского культа не являются священнослужителями (не наделены правом передачи каких-либо элементов святости), но есть в сибирском исламе культ авлия — конкретных или мифических героев, которым не поклоняются (поклоняться можно лишь Аллаху), но почитать — не возбраняется. На Байшевском кладбище, где якобы погребен Ермак, существует астана Хаким-ата, о которой уже рассказывалось выше. Обряды захоронения и почитания умерших, которые там совершаются до настоящего времени, совпадают с изображенными на рисунках Ремезова, лишь подтверждая версию сибирского ислама, но никак не манихейского ритуала.

Конечно, можно согласиться с мнением Ремезова, что «Се же виде абызы и мурзы, что закон их осквернен и престаает чудотворение, запретиша всем от мала и до велика ... поминать имя Ермаково да затлится честь и слава и могила ево неявленна будет» [33], поскольку это лежит в контексте конфронтационной политики служителей ислама по отношению к «отступникам от веры» и иноверцу, но это никак не может стать подтверждением «привычной для тюрков старой манихейской веры X — XIV вв.» [34]. Существующее в Южной Сибири явление не может быть перенесено на Среднее Прииртышье, где присутствие манихейской религии не прослеживается.

Почему же годы правления Кучума и появления в крае Ермака можно считать временем смены темпоритма?, ведь это не только период утверждения здесь мировых религий и проникновения сюда их носителей. А может, действительно, это лишь «частный эпизод», как считала Л.И. Шерстова [35], или это отражение межцивилизационной конфронтации (мусульмано-христианского столкновения), а ее причины — в религиозных расхождениях?, как полагал Д.М. Исхаков [36].

Особенности исторической периодизации применительно к Западной Сибири (конкретнее к древней и средневековой истории Алтая) изложил А.А. Тишкин [37], а К. Ясперс в предложенных им четырех эпохах всемирной истории выделил «осевое время» (800–200-е гг. до н. э.), когда мир состоял из осевых народов — китайцев, индийцев, иранцев, иудеев и греков, которые сформировали три культуры: индийскую, китайскую и «Восток–Запад», которая позднее разделилась на Запад, Византию и ислам, заметив, однако, что «Попытка структурировать историю, делить ее на ряд периодов всегда ведет к грубым упрощениям», хотя они и акцентируют внимание на важных моментах [38]. Время Кучума и Ермака не является осевым, но важно для определения «точки бифуркации», так же как внимание к этим личностям не служит целям легитимизации прав хана или оправдания действиям атамана. С другой стороны, в качестве инструмента измерения времени у населения региона нередко использовались имена правителей, так что появление имен вышеназванных героев не является чужеродным явлением.

После разгрома ханты и манси «от Кучумова повеления и рамента отступиша», но это не стало «последней страницей» военных действий и открытого противостояния. После того, как отряд Ермака овладел столицей Сибирского ханства, а его бывший правитель бежал в сторону р. Ишим, атаман сам устремился наладить торговые сношения с Центральной Азией. Согласно сведениям сибирских летописей, получив известие о пленении бухарских купцов, идущих в сторону Искера, Ермак отправился для их освобождения. Однако отряд оказался в засаде, а сам атаман погиб.

Об обстоятельствах гибели и захоронения Ермака немало мнений и даже заблуждений, исходящих из исторических шаблонов и этноконфессиональных предпочтений, присущих традиционному обществу, где только свои традиции священны, а потому историческая память избирательна. Так, почти игнорируется то обстоятельство, что в составе дружины Ермака были поволжские татары-мусульмане [39]. В.В. Пассек в начале XIX в. замечал: «Война и сами имена Героев сохранились в памяти татар, тамошних жителей. Они говорят, что знают могилу Ермака, но не объявляют русскими, где она; знают могилу Кучума (могила сея не далее 20 верст от Тобольска [40]) и ежегодно собираются отправлять на ней свою тризну. Их вражда к нам, кажется, уже исчезла; но еще остается взаимная недоверчивость» [41]. Одновременно отметим, что существовавшие на Урале и в Сибири иконы с изображением не канонизированного Ермака, но с нимбом над головой, есть ни что иное, как приметы народного православия [42], типологически схожего с народным исламом.

Некоторые суждения исследователей исходят из недостаточного знания об обстоятельствах, этнических и религиозных традициях сибиряков в эпоху, о которой трудно судить с современных нравственных позиций и обретенного опыта толерантности. Так, довод А. П. Окладникова, что тюркоязычные сибиряки, «по-своему канонизировавшие атамана <...> сделали то, что не смогли сделать русские» [43], разбивается об обстоятельство, что тело Ермака всплыло лишь на 13-й день после гибели, да и вдалеке от устья Вагая — у Епанчинских юрт, а о какой-либо канонизации сторонников иных вер (за исключением пророков) у мусульман и рассуждать нельзя. Между тем, после гибели Ермака в живых осталось лишь 150 членов его отряда. И. Глухов, подозревая, что Кучум предпримет контрнаступление (и не желая повторения голода, как в предыдущую зиму), 15 августа (то есть через 10 дней после смерти Ермака) с дружиной покинул Искер и двинулся по Иртышу и Оби, а затем через Уральские горы вернулся к Строгановым [44]. Соответственно, исходя из обстоятельств и враждебного окружения, сподвижники Ермака не имели времени для поиска и погребения тела атамана, хотя по христианской традиции были обязаны это сделать.

После ухода казаков Искер занял Али — сын Кучума, а сам он оказался не в состоянии удержать престол, поскольку досаждал не только «кафирам», но и единоверцам. Так, по свидетельству русских источников: «А на Уфе на Белой Воложке государь велел город поставити, что беглой из Сибири Кучюм царь, пришед в государеву отчину в Казанский уезд в башкирцы, учел кочевати и ясак со государевых людей з башкирцев, почел был имати» [45]. Кучум стал вызывать раздражение правящих кругов Центральной Азии, считавших его причиной междоусобиц, виновным в распаде ханства и неспособным объединить единоверцев. Внутренние раздоры в ставке Кучума вызывали беспокойство у Абдуллахана и, указывая на трагические последствия разрозненных действий, он предупреждал, что если Кучум хочет быть с Бухарским ханством в дружбе и союзе, то должен делать все, о чем говорится в ярлыке. Такое же послание Абдулла отправил и Авлию Мирзину, но как ни пытался бухарский правитель убедить Кучума сплотиться и вести борьбу против «кафиров», тот выводов не сделал, и его судьба была предрешена — вместо Кучума сибирским правителем должен был стать Сейдяк (Сейид) — сын Едигера [46]. С этой целью Сейдяк отправился с войсками из Бухары в Сибирь. В сражении он одержал победу, но то

был временный успех. До Москвы, наконец, дошли вести о смерти Ермака и уходе из Сибири казаков. В связи с этим в начале 1586 г. правительство снарядило отряд в 300 стрельцов под предводительством воеводы В. Сукина, И. Мясного и письменного головы Д. Чулкова. Отряд дошел до Туры летом того же года, основав на развалинах Чимги-Туры Тюмень, а через год вблизи Искера — Тобольск, положив начало будущему губернскому центру, который сохранил сложившиеся при Кучуме административные и политические связи с вассалами.

В то время Сейдяк, заняв Искер, чувствовал себя уверенно, так как с местной российской администрацией сложились определенные отношения. К нему на службу перешел царевич Казахской Орды Ураз Мухаммед, а после ухода в степь Кучума окрестные тюрки и угры признали его власть, платили дань. Местная знать, принадлежавшая роду Тайбуги, поддерживала Сейдяка, но сам он оказался слабым политиком и простодушным человеком. По одной из версий сибирских летописей, летом 1588 г. Сейдяк, Ураз Мухамед и карача Кадыр Али бек забавлялись ястребиной охотой. Это стало известно Чулкову и он пригласил правителя на пир, «чтобы во время его вести мирные переговоры». Сейдяк поставил условие, чтобы там присутствовало и 500 его воинов. Русская сторона согласилась на сотню, а остальных оставили за воротами — как образно заметил Г.-Ф. Миллер, Чулков «имел птиц на примане, осталось только накинуть на них сети». За отказ выпить полную чару вина Сейдяк и его свита (как мусульмане они нарушили запрет на алкоголь, за что, сообщал «Румянцевский летописец»: «...поперхну в гортани его, богу бо их обличающе» [47]) были связаны, а остальные перебиты. Ждавшие за воротами разбежались, и с того дня Искер опустел, никем не заселялся и постепенно пришел в упадок. Так, прогнав из столицы Али и заняв престол, Сейдяк, не оправдавший надежд, облегчил покорение ханства [48], а в 1588 г. уже укрепившее положение в крае россияне (успевшие поставить на месте прежних городков хана и князьков крепости и города, выполнявшие военно-ясачные функции) вновь овладели Искером.

Кучум, кочевавший по Ишимской степи, постоянно совершал нападения на российские войска. В 1595/1596 гг. он даже попросил помощи у Абдуллахана, но тот отказал, так как вел ожесточенную борьбу за Хорезм: «...если просил у нас рати, и мы те поры были в войне, для того и не послали есмя» [49]. Кучум между тем продолжал проигрывать одно за другим сражения с русскими дружинами и, более того, совершал набеги на поселения и кочевья бывших подданных, перешедших под власть Москвы. После поражения в битве в ишимских степях в 1598 г. Кучум больше не мог быть каким-либо «символом» для единоверцев. Отвергнув предложение, преданного через посла Талмухаммеда, он заявил: «я сейчас оглох и ослеп, ухожу к ногайцам, сына Али отправляю в Бухару», но по словам другого сына — Каная, «бухарцы отца де их Кучума, заманили в калмыки» (есть сведения, что он погиб в 1601 г. от рук ногайцев [50]).

Кучум и Ермак остаются важными и, одновременно, загадочными фигурантами сибирской истории XVI в. Население края в то время составляло пестрый конгломерат племен и их верований, а сам хан являлся более абстрактной (для последующих периодов даже сакральной) фигурой, чем реальным лидером для патриархального — по характеру социальных связей — общества, относительно недавно (в масштабах нескольких поколений) обретшего опыт строительства государства, не успевшего в полной мере вкусить «прелесть» обязанностей перед ним, но осознавших определенное единство. Безусловно, разрушение государственности стало кризисным событием для значительной части местного сообщества, стрессовым для его элиты, утратившей привычные ориентиры. Это надолго осело в сознании, отразившись в мифологемах и спасительных иллюзиях, питающих иные умы и сейчас. С конца XVI в. для «новых» православных сибиряков современник Кучума — Ермак стал таким же символом, но уже «православной предо-

пределенности освоения края». И в этом тоже нужно разобраться, не «очерняя» или «обеляя» ни одну из равновеликих личностей...

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринин Л. Е. О роли личности в истории // Вестник РАН. Т. 78. 2008. № 1. С. 43–44.
2. Пригожин И. Р., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М., 2005. С. 50.
3. По одной версии — местный князек, тогда как по другой — приверженец низложенного Иваном III казанского правителя Ильхама. см.: Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Истор. записки. Т. 1. М., 1937. С. 58.
4. Показателен раскол общества при обсуждении вопроса о переименовании г. Ермак в Казахстане в 1990-е гг. или о сооружении в Тюмени памятника атаману в начале 2000-х гг.
5. Жидков В. С., Соколов К. Б. Десять веков российской ментальности. СПб., 2001. С. 19.
6. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937. С. 198; Трофимова О. В. Ведомость Тюменской восводской канцелярии 1746 года как источник по этнической истории татар // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии: материалы всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию акад. Д. Г. Тумашевой. Тюмень, 2007. С. 209.
7. Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым / под ред. А.А. Горшлова. СПб, 2000. С. 126–128.
8. БТЭ: [в 3 т.]. Т. 1. Тюмень, 2004. С. 116–117; Уральская истор. энцикл. Екатеринбург, 1998. С. 73–74; Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отдел. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым. Ч. 4. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872. С. 127–136, 170–187, 195–204, 247–248; Катанов Н. Ф. Предание тобольских татар о грозном царе Тамерлане // Ежегодник Тобол. губ. музея. Вып. 9. 1898. С. 50–52; и др.
9. Кызласов Л. Р. Ранний этап присоединения Сибири к России в свете духовных особенностей эпохи // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2005. № 2. С. 62–63.
10. Любопытно мнение одного из анонимного автора XVII в.: «В числе многих бежавших от тирании царя Ивана Васильевича были такие, которые повсюду промышляли разбоями, между ними был один разбойник, именем Ермак». см.: Титов А. Сибирь в XVII в. Сб. старинных русских ст. о Сибири и прилегающих к ней землях. М., 1890. С. 65.
11. Правители которого стремились объявить его «Третьим Римом».
12. Берс А. А. Прошлое Урала с древнейших времен до русской колонизации. М., 1936. С. 54.
13. Едигер не был ханом, тем более последним Сибирского ханства. см.: БТЭ. Т. 2. Тюмень, 2004. С. 419.
14. Обращение было своевременным — с точки зрения Москвы, ибо оскудение соболиных угодий в северных владениях побуждало торговых людей и само правительство искать новые.
15. Огородников В. И. Очерки истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. 1. История дорусской Сибири. Иркутск, 1920. С. 230–231.
16. см.: Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [в 3 т.]. Т. 1: источники и историография / А. П. Ярков (ред.), И. Б. Гарифуллин, Г. Л. Файзрахманов и др. Тюмень, 2007. С. 41.
17. В 1558 г. Строгановы получили первую жалованную грамоту царя Ивана IV на «камские изобильные места». — см.: Атласи Х. Себер тарихы. Казан, 1912 Б. 46; Введенский А. А. Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве // Сборник ст. по русской истории. Пг., 1922. С. 41.
18. Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. С. 196.
19. Тахчси, возможно, — бассейн р. Туры, и позднее устанавливается название Епанчин юрт — удел мурзы Япанзи.
20. Там же. С. 38, 148, 344.
21. Небольсин П. И. Покорение Сибири // Отечественные записки. Т. 60. СПб., 1848. С. 90, 91; Атласи Х. Себер тарихы. Казан, 1912 Б. 105.
22. Миллер Г. Ф. ... С. 193; Т. II. М., 2000. С. 259.
23. Большинство татарских легенд это отрицает. см.: Панишев Е. А. Современные татарские и русские легенды о гибели Ермака // Тюркские народы: материалы V сиб. симп. «Культурное насле-

- дне народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 131–135; Восток. 2005. № 3. С. 467–468.
24. Сибирские летописи / изд. Импер. археограф. комиссии. СПб., 1907. С. 318–319, 324, 346–348.
 25. цит. по: Миненко Н. А. Тюмень: летопись четырех столетий. СПб., 2004. С. 29.
 26. Окладников А. П. Туземные легенды о Ермаке (Опыт истор.-этнограф. интерпретации) // Изв. СО АН СССР. Серия обществ. наук. № 11. Вып. 3. Новосибирск, 1981. С. 35.
 27. Миненко Н. А. Предания о чуди и народная концепция присоединения Сибири // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов: сб. науч. тр. Новосибирск. 1986. С. 48.
 28. Кызласов Л. Р. Ранний ... С. 50–69.
 29. Сибирские летописи ... С. 342; Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) / изд. археограф. комиссии / под ред. Л. Н. Майкова. СПб., 1882. С. 27.
 30. Кызласов Л. Р. Ранний ... С. 51–52, 58–60.
 31. Корусенко М. А. Варианты устройства могильной камеры в погребениях тарских татар (XIX — XX вв.) (Опыт анализа культурных взаимодействий) // Интеграция археолог. и этнограф. исследований: сб. науч. тр. Ханты-Мансийск; Омск, 2002. С. 212–215.
 32. Требование похоронить умершего в тот же день стремятся соблюдать и поныне (хотя нет общего правила дожидаться приезда родственников, а хоронить не позднее исхода третьего дня), и вблизи родного поселения.
 33. цит. по: Окладников А. П. Туземные легенды о Ермаке (Опыт историко-этнограф. интерпретации) // Изв. СО АН СССР. Серия обществ. наук. № 11. Вып. 3. Новосибирск, 1981. С. 32–33.
 34. Кызласов Л. Р. Тюрко-иранское языковое взаимодействие (письменность и религия) // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003. С. 287–293; Он же. Сибирское манихейство // Этнограф. обозрение. 2001. № 5. С. 83–90; и др.
 35. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск, 2005. С. 62.
 36. Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV — XVI ввек. Казань, 2004. С. 72.
 37. Тишкин А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая: монография. Барнаул, 2007.
 38. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 52.
 39. Щур В. М. Источники по истории аборигенов Южного Зауралья средневековья // Земля Курганская: прошлое и настоящее: краевед. сб. Вып. 8. Курган, 1994. С. 83; Щур В. М., Абрамовских Н. В., Самкова С. В. Альменевский, Сафакулевский и Мишкинский районы в досоветский период // Земля Курганская: прошлое и настоящее: краевед. сб. Вып. 11. Курган, 1995. С. 3, 7, 16; и др.
 40. Мнение ошибочно, т. к. могилы Кучума в Сибири нет. Речь идет, скорее всего, об Искере, связанном с его правлением.
 41. Пассек В. В. Нечто о сибирских козаках и об Искере // Вестник Европы 1828 г. Ч. 160–161. С. 229–232.
 42. Сложившийся в Сибири православно-языческий симбиоз отражают, например, культ Василия Мангазейского и приклады, связанные со строительными магическими обрядами. — см.: Бахрушин С. В. Науч. труды. Т. III. Ч. 1. М., 1955. С. 297; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археолог. исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008. С. 125; и др.
 43. Окладников А. П. Туземные легенды о Ермаке (Опыт истор.-этнограф. интерпретации) // Изв. СО АН СССР. Серия обществ. наук. № 11. Вып. 3. Новосибирск, 1981. С. 36.
 44. Сибирские летописи ... С. 299.
 45. Пекарский П. П. Когда и для чего основан города Уфа и Самара // Сб. Отдел. рус. языка и словесности Импер. академии наук. Т. X. СПб., 1872. С. 19–20.
 46. Таким образом, именно он, а не Едигер или Кучум, юридически являлся последним правителем Сибирского ханства, а не как утверждает БТЭ. Т. 2. Тюмень, 2004. С. 419.
 47. ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М, 1987. С. 35.
 48. Сибирские летописи / изд. Импер. археограф. комиссии. СПб., 1907. С. 293, 294.
 49. цит. по: Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI — XIX вв. Ташкент, 1983. С. 22.
 50. ПСРЛ, ... С. 161.